

D $\frac{23}{395}$

Станюкович.

Изданіе В. И. Раппъ и В. И. Потапова.

~~А 203~~
~~11/24~~

Д 23
395

ОТЧАЯННЫЙ.

ОТЧАЯННЫЙ.

РАЗСКАЗЪ

изъ морской жизни

К. М. Станюковичъ.

Цѣна 5 коп.

Станюковичъ.

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типо-Литографія Зильбербергъ

(Рыбная ул., домъ № 30-й).

1900.

Цѣна 5 коп.

Издание В. И. Раппъ и В. И. Потапова.

Д 23
395

ВЪТЧАЯННЫЙ.

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ МОРОСКОЙ ЖИЗНИ.

К. Станюковича.

Цѣна 5 коп.

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типографія и Литографія Зильбербергъ.
(Рыбная улица, д. № 30).

1900.

Издатель В. М. Родичевъ в С. П. Петербургѣ.

ИЗВЕЩАНИЕ

ВЪ СЕВЕРѢ

Дозволено цензурою. Харьковъ. 7-го Іюня 1900 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. М. Родичевъ

ПРИ СЕВЕРѢ

2007067280

ОТЧАЯННЫЙ.

Разсказъ изъ морской жизни.

(Посвящается А. Вергежскому).

I.

На Транзундскомъ рейдѣ, гдѣ правтическая эскадра ¹⁾ балтійскаго флота простаиваетъ большую часть короткаго лѣта, стоялъ броненосный корабль „Грозящій“ подъ флагомъ младшаго флагмана, ²⁾ контръ-адмирала ³⁾ почтенныхъ лѣтъ, который „выплавывалъ“ свой цензъ на старшаго флагмана и чинъ вице-адмирала.

Быль первый часъ пасмурнаго и прохладнаго дня въ концѣ іюня.

Матросы только-что отобѣдали на судахъ эскадры. Боцманы ⁴⁾ просвистали и выкрикнули:

— Команда отдыхать!

Минуть черезъ пять боцманъ „Грозящаго“ Ждановъ отхлебывалъ чай, поныхивая папироской, въ

1) Эскадра—нѣсколько судовъ, плавающихъ подъ начальствомъ адмирала.

2) Флагманъ—лицо, командующее эскадрой.

3) Адмиралъ—званіе начальствующаго флотомъ. Въ Россіи это званіе дѣлится на 4 чина: 1) генераль-адмиралъ, 2) адмиралъ, 3) вице-адмиралъ и 4) контръ-адмиралъ.

4) Боцманъ—старшій строевой унтеръ-офицеръ.

своей маленькой каюткѣ¹⁾ на кубрикѣ,²⁾ чистой и убранной не безъ претензіи на щегольство.

Фотографіи высокопоставленныхъ особъ, отца Іоанна Кронштадтскаго и командира „Грозящаго“, въ красивыхъ выпиленныхъ рамкахъ, сдѣланныхъ однимъ матросомъ за „спасибо“ боцмана, были развѣшаны въ соответствующемъ порядкѣ на переборкѣ противъ койки,³⁾ аккуратно покрытой сѣрымъ байковымъ одѣяломъ, съ двумя взбитыми подушками въ бѣлыхъ наволокахъ въ изголовьи.

А надъ койкой, на дешевомъ коврѣ, красовался въ голубой рамкѣ, съ нарисованными незабудками, фотографическій кабинетный портретъ молодой женщины, съ миловиднымъ лицомъ и топорной фигурой, съ растопыренными пальцами непомѣрно большихъ рукъ, выставленныхъ несомнѣнно ради колець, съ брошкой на короткой шеѣ и съ серьгами въ ушахъ.

Нечего и говорить, что эта дама, въ нарядномъ платьѣ и въ шляпкѣ съ перьями, была супругой боцмана Жданова.

Онъ ничѣмъ не напоминалъ боцмановъ стараго времени, этихъ смѣлыхъ моряковъ, свершавшихъ геройскіе поступки, не догадываясь о своемъ геройствѣ, отчаянныхъ ругателей, безшабашныхъ пьяницъ на берегу, огрубѣлыхъ, но не злыхъ, которые не чуждались такихъ же безправныхъ матросовъ, какъ и они сами, и, разумѣется, считали ихъ товарищами и „бляузы“ по начальству считали дѣломъ недостойнымъ боцмана.

1) Кюота—комната на кораблѣ.

2) Кубрикъ—самая нижняя жилая палуба на кораблѣ.

3) Койка—постель для матросовъ.

Бъ тому-же и знали, что матросская расправа усмирить боцмана, коли онъ несправедливый и звѣрствуетъ въ „боѣ“.

Ждановъ — боцманъ новыхъ временъ и, разумѣется, несравненно культурнѣе.

Это былъ молодой человекъ, лѣтъ тридцати, невысокаго роста, плотный, склонный къ полнотѣ, франтовато одѣтый, понимающій „обращеніе“ и не говорящій грубымъ голосомъ „луженой глотки“, съ большими круглыми глазами, усердными и рѣшительными, рыжій, съ веснушчатымъ бѣлымъ, румянымъ лицомъ, серьезнымъ и степеннымъ, выстриженный подъ гребенку и съ подстриженной огненной бородой. На безымянномъ пальцѣ опрятной руки золотое обручальное кольцо и на мизинцѣ перстень съ бирюзой.

Разумѣется, онъ не пилъ ни водки, ни вина. Иногда только „баловался“ бутылкой пива. И безъ усталости не сввернословилъ какъ виртуозъ, а ругался тихо, внушительно и кратко.

Тщеславный и самодовольный, онъ, казалось, весь былъ проникнутъ сознаниемъ своего достоинства и держалъ себя въ отчужденіи отъ матросовъ, чтобы не уронить престижа власти, „связавшись“ съ необразованной и грубой „матрозней“, которая могла бы забыться передъ боцманомъ и притомъ передъ человекомъ „другихъ понятій“. Недаромъ же онъ получалъ газету *Свѣтъ*, почитывалъ книжки и считалъ себя очень умнымъ и проницательнымъ боцманомъ, который устроить благополучіе своей жизни.

Съ матросами онъ обращался съ внушительной строгостью, былъ беспощаденъ особенно съ провинившимися передъ дисциплиной, и противорѣчій не допускалъ. За-то съ офицерами былъ почтителенъ до искательности.

Морскую службу Ждановъ не любилъ. Особенно не любилъ и трусилъ моря, когда оно начинало рокотать и вздувалось большими волнами; но былъ безукоризненный исполнитель и усердный боцманъ, щеголявшій своимъ педантизмомъ и безупречнымъ поведеніемъ въ глазахъ начальства.

И Ждановъ, пользуясь своимъ положеніемъ, не бралъ средствъ въ приобрѣтеніи денегъ. За шесть лѣтъ службы онъ скопилъ деньженки. Прижимистый и оборотистый, онъ рассчитывалъ заняться какимъ-нибудь торговымъ дѣломъ, когда выйдетъ въ запасъ.

Матросы боялись и не любили высокомернаго и несправедливаго боцмана, но онъ не обращалъ на это вниманія. Ждановъ былъ увѣренъ, что капитанъ¹⁾ и старшій офицеръ цѣнятъ и одобряютъ строгаго боцмана. Да и матросы не смѣли бы жаловаться на него. Они были „надежные“, да и онъ ихъ держалъ въ строгомъ повиновеніи.

Одинъ только матросъ, первую кампанію служившій на „Грозящемъ“, обращалъ на себя безпокойное и озлобленное вниманіе боцмана.

„Совсѣмъ отчаянный!“ — подумалъ Ждановъ.

Онъ, разумѣется, зналъ, что во время отдыха команды не имѣлъ права безъ особенной нужды беспокоить матросовъ, но потребовалъ „отчаяннаго“.

¹⁾ Капитанъ—командиръ судна.

II.

Когда молодой, худощавый, чернявый матрось маленькаго роста вошелъ въ боцманскую каюту и безъ всякаго страха остановился у двери, боцманъ ужъ начиналъ безпокойно злиться.

Онъ медленно допивалъ стаканъ, умышленно не обращая вниманія на матроса.

И, наконецъ, поднявъ на него злой, неподвижный взглядъ и понижая голосъ, значительно и медленно проговорилъ:

— Митюшинъ!

— Есть!

— Догадался, по какой причинѣ боцманъ тебя потребовалъ?

— Я недогадливый!—отвѣтилъ Митюшинъ.

Матрось не назвалъ боцмана Иваномъ Артемьевичемъ. Не вытянувшись передъ нимъ, онъ стоялъ въ непринужденной позѣ. Его смуглое съ тонкими чертами лицо, обыкновенно подвижное, словно бы застыло въ серьезномъ и строгомъ выраженіи. Въ сдержанномъ официальномъ тонѣ мягкаго голоса какъ-будто звучала ироническая нотка, и въ быстрыхъ, острыхъ, черныхъ глазахъ Митюшина мелькнула насмѣшливая улыбка и исчезла.

„Ишь какъ стоитъ передъ боцманомъ!“ — подумалъ Ждановъ.

И, сдерживая гнѣвъ, самолюбиво покраснѣлъ и сказалъ:

— Такъ догадайся.

— На-счетъ чего?

— Хотя бы на-счетъ того, что я насквозь вижу человѣка и могу его понять.

Митюшинъ молчалъ, словно бы поддразнивая боцмана.

— Сообразилъ?

— Видно, не сообразилъ!

— А еще много воображаешь о себѣ!—презрительно кинулъ Ждановъ.

Митюшинъ не возражалъ. Только глаза улыбнулись, верхняя тонкая губа въ углу рта подергивалась, и лицо приняло вызывающее и слегка надменное выраженіе.

Боцманъ чувствовалъ едва скрываемое пренебреженіе къ себѣ матроса.

Съ какимъ наслажденіемъ искровянилъ бы онъ эту „дерзкую рожу“! Но Ждановъ трусилъ „отчаяннаго“. Отъ него всего можно ожидать.

Изнывая въ злобѣ и едва сдерживаясь, боцманъ еще медленнѣе „пыталъ“ Митюшина, процѣдивъ съ угрозой въ скрипучемъ своемъ голосѣ:

— Какъ бы не вышло съ тобой серьезныхъ непріятностей!

Митюшинъ словно бы нарочно зѣвнулъ съ видомъ человѣка, котораго не пугаютъ угрозы боцмана, а только наводятъ скуку, и равнодушно спросилъ:

— Какія еще непріятности?

— Дурака не строй... Не дерзничай... Ты съ кѣмъ говоришь?

— Съ боцманомъ.

— Такъ смотри у меня! — грозно крикнулъ Ждановъ, начиная терять самообладаніе.

— Что мнѣ смотрѣть?

— Я тебѣ покажу, какіе боцмана!

— Что показывать? Видѣль, какіе изъ васъ боцмана... А службу я сполняю какъ слѣдуетъ и законъ понимаю.

— По-ни-ма-ешь? — выговорилъ раздѣльно боцманъ, багровѣя.

— Очень даже понимаю! — вызывающе бросилъ матросъ.

Ждановъ вскочилъ, словно ужаленный, съ табуретки и задыхающимся злобнымъ голосомъ проговорилъ:

— Развѣ не знаю, какой ты отчаянный матросъ и какія твои незаконныя мысли?... О какихъ ты правахъ толкуешь матросамъ и передъ ними куражишься... Я, молъ, все понимаю и ничего не боюсь, а вы, молъ, терпите безпрекословно... Знаю, какой ты пересмѣшникъ выискался и смѣхомъ порочишь начальство, которое почитать обязанъ по присягѣ. Такъ я съ тебя этотъ форць собою. Поставлю въ дисциплину на линію. Въ штрафные недолго перевести, хоть ты и первой статьи матросъ. А тогда и по закону будутъ тебя пороть, умника. А прежде и безъ закона отполируютъ, какъ доложу, какой ты есть паршивая овца. Узнаешь, какъ бунтовать и команду мутить...

Матросъ вспылилъ и, съ заблестѣвшими злымъ огонькомъ глазами, взволнованно проговорилъ:

— Что-жь? Доноси по начальству... ври!.. Я найду свои права!

— Молчать передъ боцманомъ!..

— Я слушалъ твои умныя рѣчи. Послушай и ты мои!—рѣшительно и возбужденно заговорилъ Митюшинъ.—Мы, вѣдь, съ глазу на глазъ. Можетъ, и не слыхалъ отъ людей, какой ты безстыжій и какой взяточникъ боцманъ... Доноси, господинъ боцманъ. Пусть меня отдадутъ подъ судъ, съ моимъ удовольствіемъ... Не сдрейфю! Быть-можетъ, правда всплыветъ, какъ ты съ матросовъ деньги берешь, да на себя заставляешь ихъ работать. Кто стулъ, кто обшить, кто сапогъ, кто тебѣ замѣсто вѣстоваго... Дратся правъ нѣтъ, а вы сволочь, боцмана да унтерцеры, зубы выбиваете... Знаете, что боятся жаловаться, такъ вы тиранствуете!? И какъ бы деньгами гдѣ поживиться... Это тебѣ вмѣсто Бога... Богъ-то только на языкѣ, а въ душѣ одинъ рупь-цѣлковый да беззаконіе! И какъ я ежели говорю, что на законъ плюютъ и совѣсть забыли,—такъ я, по твоему воображенію, бунтовщикъ? Ежели понимаю, что неправдой живете, такъ это бунтъ!? Свой же братъ, такой же подневольный мужикъ былъ, а грозитъ въ штрафные и пороть... Полагаешь—испугать и на линію поставить. Умникъ. Насквозь человекъ видишь, а не видишь, что не всякій свинья и за грошъ душу продастъ. Да и старшему офицеру, видно, не въ догадку, какой ты во всей формѣ мерзавецъ!

Этотъ великолѣпный и благополучный боцманъ, считавшій себя необыкновенно важной особой на кораблѣ, ахнулъ отъ изумленія и, растерянный, не останавливалъ дерзкихъ словъ возмущеннаго матроса.

Но прошла минута, и Ждановъ двинулся къ матросу, помахивая кулакомъ.

Поблѣднѣвшій какъ смерть, Митюшинъ не подался шагу назадъ и, рѣшительно глядя въ глаза боцмана, бинулъ:

— Смѣй только. Искровяню твою сытую свиную морду!

Ждановъ отвелъ свой взглядъ. Кулакъ боцмана опустился. И еще медленнѣе прохрипѣлъ онъ сдавленнымъ отъ злобы голосомъ:

— Поймешь, какъ найдешь свои права. Узнаешь, что съ тобой, отчаяннымъ, будетъ за оскорбленіе боцмана... Вонъ!

— Доноси, Іуда! Какъ бы самому не поперхнуться... Не все же повѣрять, что ты бунтъ открылъ! — презрительно бинулъ матросъ...

Съ этими словами Митюшинъ вышелъ изъ боцманской каюты.

III.

И матросы называли Митюшина „отчаяннымъ“. Они дивились „башковатому“ и безпокойному маленькому матросу, который „ничего не боится“, горячится противъ несправедливости и „обижается“, если что не по закону.

Матросы любопытно слушали возбужденныя, страстные рѣчи, но недолюбливали и побаивались „законника“ за его, подчасъ ядовитыя, шутки и насмѣшки и часто не понимали, изъ-за чего „кипятится“ этотъ образцовый по службѣ матросъ и за

что постоянно „скалить зубы“ надъ своимъ же братомъ.

— Одно слово — отчаянный и много о себѣ полагаетъ! — говорили про Митюшина.

„Отчаянный“ чувствовалъ, что его алчущая правды душа не встрѣчаетъ сочувствія и что онъ, нелюбимый за языкъ, одинокъ.

И все-таки призывалъ возмущаться неправдой, издѣвался надъ равнодушными.

Теперь въ безпокойномъ сердцѣ „отчаяннаго“ прибавилась обида, и тяжкая обида. Нашелся матросъ, который на своего же брата наушничалъ „подлецу“ — боцману — и за что? За то что Митюшинъ матросамъ же хочетъ добра, защищая „законъ“.

Митюшинъ зналъ, что противъ дисциплины виновать, „отчекрывивъ“ боцмана, и что во всякомъ случаѣ будетъ „раздѣлка“. Пожалуй, и подъ судъ отдадутъ, ежели подлый боцманъ прибавитъ старшему офицеру всякаго вранья и кляузъ! — разсуждалъ Митюшинъ.

И въ минуты сомнѣнія на-счетъ торжества правды его воображеніе рисовало уже нещадную оскорбительную порку „по закону“, послѣ перевода въ штрафные.

Но „отчаянный“ не только не сожалѣлъ о случившемся, а, напротивъ, испытывалъ нравственное облегченіе. Острое безпокойство возмущенной души точно утихло послѣ того, какъ боцманъ получилъ вполне имъ заслуженную сдачу.

„По крайней мѣрѣ пусть знаетъ, какой онъ подлецъ!“

Митюшинъ предполагалъ, что боцманъ уже докладываетъ старшему офицеру объ „отчаянности“ подчиненнаго и послѣ отдыха старшій офицеръ позоветъ къ себѣ и потребуетъ объясненія.

„Отчаянный“ нетерпѣливо и тревожно ждалъ призыва. И думалъ:

„Хотя старшій офицеръ и строгій, но позволить обсказать все дѣло и тогда пойметъ, что исправный и усердный по службѣ матросъ, который ни разу еще не былъ незаконно наказанъ, не въ отместку за себя „сдерзничалъ“ боцману. И какой же Митюшинъ бунтовщикъ, если онъ только „безпокоится“ изъ-за закона и подлости боцмана?“

„Отчаянный“ не спалъ. Не до сна ему было.

Онъ повторялъ въ умѣ то, что объяснить старшему офицеру, настроенному боцманомъ, и смѣлость „отчаяннаго“ диктовала ему смѣлыя слова. Они, казалось ему, должны быть такъ же убѣдительны, какъ сама правда.

И сомнѣнія разсѣивались, какъ тучи вѣтромъ. Безпокойному мечтателю-матросу вѣрилось, что правда „окажетъ“ и что старшій офицеръ „полнымъ ходомъ войдетъ въ понятіе“.

Митюшинъ вспомнилъ, что до сихъ поръ его не обезкураживали на „Грозящемъ“.

Дѣйствительно, онъ завоевалъ себѣ нѣкоторое уваженіе.

На „Грозящемъ“ были офицеры, которые напоминали старыя времена флотской „выучки“. Она, казалось, снова входила въ моду, и даже юные

мичманы насканивали съ кулаками на людей и не испытывали ни малѣйшаго смущенія.

Но всѣ эти господа, повидимому, понимали, что Митюшинъ выдѣлялся изъ толпы матросовъ и сознаниемъ человѣческаго достоинства, и пониманиемъ своихъ правъ. И потому законъ оберегалъ неприкосновенность его тѣла. Да къ тому же толковый и усердный матросъ безукоризненно служилъ и не давалъ повода офицерамъ къ „выучкѣ“.

Часъ отдыха прошелъ. Просвистали: „вставать“. Вслѣдъ затѣмъ пробила тревога къ артиллерійскому учению.

IV.

На мостикъ поднялся толстый, небольшого роста адмиралъ, съ сѣдой бородой, обрамлявшей добродушное полное лицо, довольный и ласково улыбающийся, какимъ привыкли всѣ видѣть младшаго флагмана. Онъ „выплавывалъ“ своей цензъ, для увѣнчанія морской карьеры, на якорѣ и не опасался за цѣлость броненосцевъ. Вѣдь эти великаны требуютъ искуснаго управленія, и часто „напарываются“ на камни или притыкаются къ мелямъ.

Адмиралъ смотрѣлъ на учение, и маленькіе добрые глаза его превосходительства принимали выраженіе мечтательнаго восторга при видѣ этихъ быстро заряжаемыхъ гигантовъ—орудій, точно адмиралъ представлялъ себѣ настоящей бой, поскольку могло представить воображеніе человѣка, не бывшаго въ бояхъ, и—„Грозящаго“, натурально, побѣдителемъ какого-нибудь „торгаша-англичанина“.

— Превосходно-съ, Викторъ Ивановичъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ смотрю на нашихъ молодцовъ... Картина-съ,—проговорилъ адмиралъ, обращаясь къ капитану, стоявшему чуть-чуть сзади его, и приподнялъ голову и молодцовато выгнулъ грудь, чтобы казаться болѣе высокимъ и болѣе воинственнымъ.

Пожилой, плотный и представительный брюнетъ средняго роста, озабоченно и нѣсколько безпокойно глядѣвшій на ученъе, приложилъ пальцы къ козырьку фуражки и чуть подался впередъ.

— Я и мечтаю-съ, Викторъ Ивановичъ... И какъ думаете о чемъ?

— Не догадываюсь, ваше превосходительство!

— О томъ, что объяви намъ Англія войну, такъ съ такими матросиками, какъ наши, да съ такимъ духомъ, какъ у насъ,—раскатали бы мы англичанъ... Главное—духъ... Что-съ?

— Навѣрное, ваше превосходительство!—отвѣтилъ капитанъ.

И въ то же время, сохраняя почтительно официальный видъ хорошо вышколеннаго подчиненнаго, подумалъ:

„Не то говоришь ты, адмиралъ! Намъ не сунуться въ море. Спрячемъ свой флотъ въ Бронштадтъ, и простоятъ онъ тамъ! И теперь больше стоимъ, чѣмъ плаваемъ“.

На это капитанъ, впрочемъ, не претендовалъ.

Какъ и адмиралъ, онъ не любилъ плаваній, которыя такъ издегивали нервы осторожнаго до боязливости человѣка, не увѣреннаго ни въ себѣ, ни

въ тѣхъ судахъ, которыми командовалъ, пока благополучно „выплавывая“ цензъ.

Командовалъ „Грозящимъ“ онъ только два мѣсяца и, разумѣется, не зная его качествъ (раньше онъ управлялъ броненосцами другаго типа), былъ доволенъ стоянкой въ Транзундѣ и не безъ страха отвѣтственности за свой семимилліонный броненосецъ думалъ о переходахъ по Финскому заливу. Того и гляди.... бѣда.

— Какъ фамилія этого комендора,¹⁾ Викторъ Ивановичъ?—спросилъ адмиралъ, указывая короткимъ бѣлымъ и пухлымъ пальцемъ на „отчаяннаго“, распорядившагося у орудія.

— Митюшинъ, ваше превосходительство.

— Бравый комендоръ... Любуюсь имъ, Викторъ Ивановичъ!

— Усердный матросъ, ваше превосходительство... Не правда ли, Иванъ Петровичъ?...

Старшій офицеръ, длинноногій и худой капитанъ второго ранга, лѣтъ за тридцать, въ очкахъ, съ академическимъ значкомъ на груди поношеннаго сюртука, озабоченный, раздражительный и нѣсколько ошалѣвшій, точно человекъ, что-то позабывшій, и своей фигурой и удлиненой формой лица, съ длиннымъ носомъ и круто срѣзаннымъ лбомъ, напоминалъ собой болотную птицу.

Онъ порывисто подтвердилъ аттестацію капитана и, обращаясь къ адмиралу, прибавилъ:

¹⁾ Комендоръ—матрось-артиллеристъ.

— Умный и способный матросъ, ваше превосходительство!

— А поведенія?

— Благонадежнаго, ваше превосходительство.

— Значить, не „забываетъ“? — добродушно спросилъ адмиралъ и разсмѣялся тихимъ мелкимъ смѣхомъ.

— Трезвый...

— Такъ сдѣлали бы его унтеръ-офицеромъ! — въ формѣ совѣта промолвилъ адмиралъ.

— Онъ уже на виду къ производству... И боцманъ бы вышелъ хорошій, ваше превосходительство.

— То-то я сразу замѣтилъ матроса... И лицо открытое... — промолвилъ адмиралъ.

Когда артиллерійское ученіе было окончено, старшій офицеръ подошелъ къ Митюшину и сказалъ:

— Молодцомъ Митюшинъ! И адмиралъ тебя замѣтилъ.

— Слушаю, вашескобродіе! — вымолвилъ матросъ вмѣсто обычнаго отвѣта: „рады стараться“.

— Старайся. Унтеръ-офицеромъ будешь!

Повидимому, это обѣщаніе не обрадовало „отчаяннаго“. Онъ промолчалъ, и когда старшій офицеръ пошелъ далѣе, выступая длинными шагами и поворачивая по сторонамъ голову, Митюшинъ усмѣхнулся и мысленно произнесъ:

— Нашелъ „цапель“ унтерцера! Какова еще будетъ раздѣлка за боцмана.

„Вѣрно вечеромъ, когда боцманъ пойдетъ къ старшему офицеру за приказаніями, оплететъ онъ

матроса, и тогда „цанель“ „потребуется“, — подумалъ Митюшинъ.

Но пришелъ вечеръ, матросы отужинали, а Митюшина старшій офицеръ не требовалъ.

V.

Неизвѣстность тревожила Митюшина. Ему хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться сомнѣніями и услышать слово одобренія.

И онъ въ тотъ же вечеръ разсказалъ о своемъ столкновеніи съ боцманомъ рулевому Чижову. Это былъ аккуратный, исправный и обходительный человекъ. Себя онъ не „оказывалъ“ какъ говорилъ Митюшинъ, такъ какъ Чижовъ больше отмалчивался при щекотливыхъ словахъ „отчаяннаго“ на бакъ или уходилъ. Но, казалось, понималъ его и какъ-то съ глазу на глазъ одобрилъ его слова насчетъ „закона“, хотя и умѣлъ въ то же время ладить съ боцманомъ Ждановымъ.

Разсказъ Митюшина не вызвалъ сочувствія въ Чижовѣ.

Онъ покачалъ бѣлобрысой головой, словно бы сокрушенно, и, оглянувшись вокругъ лукавыми раскосыми глазами, тихо проговорилъ:

— Твое дѣло дрянъ, Митюшинъ... Крышка!

— Будто? — недовѣрчиво спросилъ Митюшинъ.

— Очень даже просто. Напрасно ты оконфузилъ боцмана. И безо всякаго права. Вѣдь съ тобой онъ обращался по благородному?

— Положимъ...

— Въ физиономію не заѣзжалъ? Боцманскихъ словъ не загибаль?

— Смѣль бы!

— Онъ только почтенія требоваль... Тагъ чего было съ имъ хорохориться?... И довелъ до злобы... Зачѣмъ ты связался съ боцманомъ и отчекрыжилъ, какой онъ такой... По какому твоему форцу?... Зачѣмъ бѣду накликалъ?—сентенціозно, не одобряя поступка Митюшина, прибавилъ Чижовъ.

— Зачѣмъ? — переспросилъ „отчаянный“.

Въ его насмѣшливомъ голосѣ звучала грустная нотка разочарованія въ человѣкѣ, на котораго надѣялся.

— То-то зря... Форцъ хотѣлъ показать боцману... себя потѣшить? Ну, и потѣшился, а какой прокъ? Боцмана не обанкрутилъ, а себя зря обвиноватилъ. Не бойсь, боцманъ съ разсудкомъ... Онъ во всей формѣ „обуродуетъ“ тебя по начальству... Отвѣть-ка на-счетъ бунта... Въ родѣ быдто бунтъ и окажетъ...

— И отвѣчу! — возбужденно промолвилъ „отчаянный“.

— Отвѣтишь? Отдадутъ тебя подь судъ и въ штрафные, это какъ Богы!

— Пусть! — раздраженно, возмущаясь Чижовымъ, отвѣтилъ Митюшинъ.

— Пусть не пусть, а изъ-за фанаберіи отдуешься... Насчетъ закона горячишься... Права, моль, имѣешь? Тебѣ покажутъ права... И тебя же люди дуракомъ назовутъ... Не суйся, моль, въ чужую

глотку... Могъ бы за башковатость и стараніе въ унтерцеры вытти... Ладиль бы съ начальствомъ и жилъ бы по-хорошему, съ опаской. А теперь за твое мечтаніе—крышка... Старшій офицеръ строгій, не простить, потому неповиновеніе. За это не прощаютъ. Не думай. И какъ пойдетъ опросъ, дозволятся, что ты насчетъ закона, да про всякое начальство баламутилъ изъ-за своего языка... Не стѣснялся своего званія... Вовсе, какъ дуракъ, втемяшился... А жилъ бы да жилъ, Митюшинъ, какъ прочіе люди, если бы боцмана не сконфузилъ...

„Отчаянный“ молчалъ, словно бы не находилъ словъ и, казалось, былъ подавленъ.

И Чижовъ, подумавшій, что „отчаянный“ струсилъ, прибавилъ:

— Одна есть загвоздка... Избавился бы отъ бѣды...

— Бабая?

— Повинись предъ боцманомъ. Тоже и ему нелестно, какъ въ судъ его обскажутъ... Пожалуй, простить... А тебѣ что?..

„Отчаянный“ серьезно отвѣтилъ:

— Ай-да ловко уважилъ! Спасибо, пріятель!

— За что?... Куда ты гнешь?

— Вполнѣ открылся, какой ты есть съ потрохами!

— Видно, не нравится, что обо всемъ полагаю съ разсудкомъ?

— Даже съ большимъ разсудкомъ обезсудилъ меня дуракомъ...

— Не лѣзь на рожонъ. Не полагай о себѣ... Помни, что матрость.

— А поклонись я боцману и выйди въ унтер-офицеры да незаконно чисти твою лукавую рожу, такъ поумнѣю? Обскажи-ка! — съ презрительной насмѣшкой промолвилъ маленькій матросъ.

— Ты все зубы скалишь!..

— А какъ же съ тобой?

— Въ штрафные, что ли, лестно?

— Безпремѣнно желаю. Оттого и зубы скалю!

— Перестанешь! — злобно сказалъ Чижовъ.

— И скоро?

— Хоть завтра пройдетъ твоя отчаянность!

— По какой-такой причинѣ?

— Отшлифуетъ на первый разъ за боцмана. Не бойсь, прошлое лѣто выпороли одного матроса и перевели въ штрафные... Очень просто.

Митюшинъ ужаснулся при мысли, что его завтра же могутъ позорно наказать, и возмутился, что свой же братъ, матросъ, точно злорадствуетъ позору ближняго и незаконію.

Но въ темнотѣ вечера у борта, на бакѣ, гдѣ бесѣдовали матросы, Чижовъ не видалъ блѣднаго взволнованнаго лица и сверкающихъ черныхъ глазъ „отчаяннаго“.

— Пусть шлифуютъ! А ты смотри! — вызывающе кинулъ онъ, скрывая свой ужасъ.

Чижовъ удивился.

— И съ чего это ты такой отчаянный? Не могу я въ толкъ взять!..

— Вѣтромъ надуло!..

— Гдѣ?..

— На фабрику.

— Такъ. А на царской службѣ тоже, значить, надуло? — пронизировалъ Чижовъ, чувствуя себя оскорбленнымъ презрительнымъ тономъ „отчаяннаго“.

— Вѣрно что такъ...

— Чудно что-то...

— Видно не слыхалъ, что люди тоскуютъ по правдѣ? — вдругъ воскликнулъ Митюшинъ.

Чижовъ недоувѣрчиво усмѣхнулся.

— То-то не понять! Душа въ тебѣ свиная, а разсудокъ подлый... Еще радъ, что матроса отпорять безъ всякаго закона! Думаешь: только больно, а не то, что позорно и обидно... И что приговаривалъ?.. Совѣсть-то въ деревнѣ оставилъ... А я полагалъ, что, ты хоть и трусь, — все-таки съ понятіемъ втихомолку! — негодуяще прибавилъ Митюшинъ, возвышая голосъ.

— Ты что же ругаешься? Это по какимъ правамъ?

— Вали къ своему боцману... Вилый свинимъ своимъ хвостомъ и обсказывай. Можетъ, и ты ему про меня кляузничалъ... Такъ за одно...

— Усмирять тебя, дьявола отчаяннаго!

И Чижовъ, полный ненависти къ нему, — отошелъ.

Раздали койки. Митюшинъ долго не засыпалъ, думая грустные думы.

Съ полуночи онъ вышелъ на вахту и мѣрно шагаль по палубѣ, ни съ кѣмъ не заговаривая; онъ снова думаль, одинокій, тоскующій, какъ вдругъ къ нему подошелъ матросикъ-первогодокъ.

Митюшинъ остановился.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ.

Матросикъ застѣнчиво и душевно проговорилъ, понижая голосъ до шепота:

— А тебя, Митюшинъ, Господь вызволить изъ бѣды за твою смѣлость. Я хоть и простъ, а поняль, отчего ты тоскуешь. Изъ-за правды тоскуешь. Изъ-за нее проучилъ боцмана! Жалѣешь матроса, безпокойная ты душа.

— Спасибо на ласковомъ словѣ, Черепковъ!— горячо и взволнованно проговорилъ Митюшинъ.

И смятенная его душа просвѣтлѣла.

„Отчаянный“ вдругъ почувствовалъ, что онъ не одинокъ.

VI.

Утромъ, когда на „Грозящемъ“ шла обычная „уборка“, боцманъ Ждановъ былъ еще неприступнѣе и ходилъ по кораблю, словно надутый и обозленный индюкъ.

Сегодня боцманъ наводилъ большій страхъ на матросовъ. Болѣе, чѣмъ обыкновенно, онъ сквернословилъ, придираясь изъ-за всякаго пустяка, и нѣсколькихъ матросовъ прибилъ съ хладнокровной жестокостью, не слыша и молча.

„Отчаянный“ волновался.

Одному матросу, у котораго изъ зубовъ сочилась кровь, онъ возбужденно и громко сказалъ:

— Что ты позволяешь этому звѣрю-боцману тиранствовать надъ собой? Онъ не смѣетъ драться!

Матросъ молчалъ. Притихли и другіе матросы, стоявшіе вблизи. Притихли и любопытно ждали, что будетъ. Боцманъ стоялъ въ двухъ шагахъ и слышалъ каждое слово „отчаяннаго“.

Но Ждановъ только бросилъ на Митюшина безпощадный злой взглядъ и пошелъ далѣе, великолѣпный, строгій и высокомерный.

„Сегодня будетъ раздѣлка!“ — рѣшилъ Митюшинъ. Дѣйствительно, за четверть часа до подъема флага, вѣстовой старшаго офицера вприпрыжку подошелъ къ Митюшину.

— Старшій офицеръ требуетъ въ каюту! — проговорилъ невеселымъ тономъ вѣстовой.

И, понижая голосъ, участливо скороговоркой прибавилъ:

— Освирѣплѣлъ... страсть! Сей минутъ боцманъ былъ у „цанеля“ и на тебя, Митюшинъ, кляузничалъ... Я заходилъ въ каюту и слышалъ, какъ боцманъ противъ тебя настраивалъ. Такъ ты знай.

— Спасибо, братъ! — порывисто проговорилъ Митюшинъ.

— А первымъ дѣломъ помалкивай... Слушай и не прекословь. Какъ отзудить, тогда обскаживай: „такъ, моля, и такъ!“ Дозволить!

Митюшинъ, слегка поблѣднѣвшій и возбужденно припоминая смѣлыя слова, которыя хотѣлъ сказать, быстро спустился въ каютъ-компанію.

Тамъ сидѣли почти всѣ офицеры корабля во-
вкругъ большаго стола за чаемъ.

При появленіи „отчаяннаго“ оживленные разго-
воры и споры вдругъ стихли.

Въ каютъ-компаніи только-что узнали, что этотъ
исправный и способный матросъ осмѣлился „бун-
товать“ и ругать при матросахъ даже самого ад-
мирала. А боцмана чуть-было не ударилъ.

И многіе офицеры изумленными и безпощад-
ными глазами оглядывали маленькаго, смугловатаго
матроса съ „дерзкими“ глазами, который рѣши-
тельно и смѣло шелъ, направляясь къ каютѣ стар-
шаго офицера.

— Экая наглая скотина! Тоже агитаторъ на
военномъ караблѣ! — презрительно воскликнулъ
одинъ юный пригожій мичманъ.

— Не ругай человѣка. Не по-джентльменски!
Да еще не въ отместку ли наговорилъ боцманъ.
Нельзя ему довѣрять! — произнесъ по французски
высокій, съ открытымъ добродушнымъ лицомъ
брюнетъ-мичманъ, обращаясь къ товарищу укориз-
ненно.

Митюшинъ догадался, что рѣчь о немъ. Онъ
зналъ, что брюнетъ былъ „доберъ“ съ матросами
и „понималъ законъ“.

„Отчаянный“ бросилъ на мичмана быстрый, со-
чувственный взглядъ, точно благодарилъ единст-
веннаго защитника, и безъ всякой робости посту-
чалъ въ двери каюты старшаго офицера.

— Входи.

Матросъ вошелъ въ просторную, свѣтлую одиночную каюту и, остановившись у запертой имъ двери, поблѣднѣлъ и, строго серьезный, напряженно глядѣлъ на старшаго офицера. Слова, которыя хотѣлъ сказать „отчаянный“, словно бы исчезли изъ его головы въ первую минуту.

Худощавый и высокій, Иванъ Петровичъ сидѣлъ у письменнаго стола, согнувши свои длинныя ноги и, гнѣвный, съ сверкавшими подъ очками сѣрыми глазами, взволнованно и торопливо дѣлалъ затяжки изъ толстой папиросы и неистово теребилъ костлявыми, длинными пальцами жидковатую, русую бороду.

При взглядѣ на Митюшина, не имѣвшаго виноватаго вида, небольшіе глаза старшаго офицера расширились отъ изумленія при такой, казалось, наглости матроса. И Иванъ Петровичъ уставился на „отчаяннаго“, словно бы первый разъ въ жизни увидалъ и хотѣлъ раземотрѣть такого опаснаго негодяя, который совершилъ неслыханное нарушеніе дисциплины и обнаружилъ возмутительныя понятія.

Не роняя слова, старшій офицеръ все болѣе возмущался, отдаваясь гнѣву.

Такъ прошло нѣсколько секундъ.

Матросъ не опускалъ глазъ.

VII.

— Ты вотъ какой! — наконецъ началъ Иванъ Петровичъ, окончивъ папиросу. — Русскій матросъ нарушилъ присягу... Да... Присягу и совѣсть!

Подстрекалъ матросовъ къ неповиновенію предержавшимъ властямъ... Опорочилъ боцмана, ругалъ его и грозилъ оскорбленіемъ дѣйствиємъ!.. Осмѣивалъ начальство! А я еще хотѣлъ произвести въ унтеръ-офицеры. Думалъ, что ты... Подъ судъ... Будешь въ морской тюрьмѣ.

Митюшинъ не вѣрилъ ушамъ, когда узналъ, въ чемъ его обвиняютъ и чѣмъ угрожаетъ старшій офицеръ, повѣрившій боцману.

— Вашескобродіе! Дозвольте объяснить!

— Молчать!—крикнулъ старшій офицеръ.

Митюшинъ смолкъ; казалось, положеніе его безнадежное... Старшій офицеръ продолжалъ говорить и, взвинчивая себя гнѣвомъ, уже грозилъ, что за подобное преступленіе присудитъ въ арестанты.

— Подъ арестъ! На хлѣбъ и воду! И если еще кому-нибудь дерзость—выпорю!—закончилъ старшій офицеръ.

Гнѣвъ его въ ту же минуту сталъ утихать... Точно грозовая туча разразилась. И онъ словно смутился, когда увидалъ въ этомъ блѣдномъ, страшно серьезномъ лицѣ „преступника“ страдальческое выраженіе и въ глазахъ что-то тоскливое, словно бы полное укора и въ то же время смѣлое.

— Вашескобродіе! Дозвольте объяснить!— снова началъ Митюшинъ.

— Что можешь объяснить? Боцманъ все доложилъ, какой ты гусь...

— Боцманъ, вашескобродіе, оболгалъ меня!

— Ты врешь... Развѣ боцманъ станетъ клеветать на матроса.

— Я Бога помню, вашескобродіе, и не вру! Боцманъ въ отместку наклеузничаль, и вы изволили повѣрить... На судѣ правда окажется, вашескобродіе...

Лицо „отчаяннаго“ дышало такой правдивостью и голосъ звучалъ такой искренностью, что матросъ уже не казался „преступникомъ“, заслуживающимъ тяжкаго наказанія, и строгій офицеръ невольно смягченнымъ тономъ спросилъ:

— Ты ругалъ боцмана и грозилъ побить?...

— Точно такъ, ваше благородіе!

— Развѣ боцманъ тебя тѣснилъ? Вѣдь съ тобой всѣ хорошо обращались?

— Точно такъ, вашескобродіе. Боцманъ не тѣснилъ, и всѣ со мною обращались по закону...

— Такъ почему же ты оскорбилъ боцмана?

— Онъ тиранствуетъ надъ матросами, вашескобродіе, и нѣтъ ему узды. Вамъ неизвѣстно, какой онъ взяточникъ и какъ бьетъ людей... И когда онъ поднялъ на меня кулаки въ своей каютѣ, я не позволилъ... Сказалъ, что дамъ сдачу... Каждый это скажетъ, если доведутъ... Закона нѣтъ драться и оскорблять. И матросъ можетъ чувствовать. За дерзости я виноватъ, вашескобродіе. Но не бунтовалъ и не подстрекалъ къ неповиновенію. Я только говорилъ матросамъ, что, по закону, нельзя драться, что надо жить по правдѣ и по совѣсти. Это развѣ бунтъ?

Митюшина словно бы захлестнула какая-то волна. Онъ возбужденно и страстно въ подробности разсказаль о столкновеніи съ боцманомъ и отчего не можетъ уважать такого безсовѣстнаго человѣка, изъ-за котораго безвинно терпятъ матросы и не смѣютъ жаловаться изъ боязни, что правда не всплыветъ и правые останутся виноватыми. Онъ говорилъ, какъ нудно изъ-за этого служить. А вѣдь законъ для всѣхъ. Исполняй законъ, и не было бы людямъ обиды.

— Но ты-то что за защитникъ закона? Кто тебѣ позволиль?

— За правду безпокоюсь, вашескобродіе!... Говорилъ, что матросъ не долженъ позволять, чтобы его били.

— И начальство браниль?

— Точно такъ. Случалось, осуживаль, ваше-скобродіе.

— За что-жь ты смѣль судить?

— Каждый человѣкъ смѣетъ судить по своему понятію, вашескобродіе... Я и осуждалъ, что господа офицеры должны давать примѣръ законно, а они дерутся и нѣтъ имъ... Вотъ и весь былъ мой бунтъ.

— И меня браниль?

— Случалось, вашескобродіе!—правдиво вымолвилъ „отчаянный“.

— За что?

— За то самое, вашескобродіе!

— Ты взаправду отчаянный!—промолвилъ старшій офицеръ, но возмущеннаго чувства въ немъ уже не было.

Онъ задумался и находился въ смятенномъ настроеніи человѣка, котораго внезапно выбили изъ колеи.

Пронеслось что-то свѣтлое, когда и онъ въ дни юности безпокоился за правду... Самъ безусловно честный, онъ возмущался боцманомъ, о продѣлкахъ котораго и не догадывался и которымъ начиналъ вѣрить. Изумлялся „отчаянному“ и понималъ, что онъ не бунтовщикъ, но во всякомъ случаѣ безпокойный матросъ и заслуживаетъ наказанія за нарушеніе дисциплины, и такой матросъ будетъ заводить „исторію“. Если отдать его подъ судъ, то навѣрное переведутъ въ штрафные и будущность человѣка испорчена. Да и обнаружится многое, что дѣлалось на „Грозящемъ“ и что будетъ непріятно для старшаго офицера и капитана.

Иванъ Петровичъ считалъ себя справедливымъ. И въ голову его пришла мысль, что по совѣсти слѣдовало бы отдать подъ судъ боцмана, если все, что говорилъ Митюшинъ, подтвердится дознаніемъ. Но боцманъ былъ отличнымъ исполнителемъ, и лишиться такого человѣка непріятно для старшаго офицера. И, главное, снова на судъ вынесется тотъ „соръ“, который выносить боится начальство, а Иванъ Петровичъ боялся всякаго начальства, такъ какъ думалъ о своемъ благополучіи. Да и отдавая боцмана подъ судъ, старшій офицеръ обнаружилъ бы свою вину. Какъ онъ не зналъ такихъ беззаконій и служилъ съ боцманомъ двѣ кампаніи?

Въ концѣ-концовъ старшій офицеръ, раздраженный, что на „Грозящемъ“ изъ-за матроса вышли „такія непріятности“ для него, и безъ того цѣлые

дни хлопотавшій безъ устали, запутался и не зналъ, что сдѣлать съ „отчаяннымъ“.

Прошла минута, другая. И наконецъ у старшаго офицера явилось рѣшеніе—замять все это дѣло. По крайней мѣрѣ, это казалось такому безхарактерному человѣку лучшимъ выходомъ.

И онъ сказалъ Митюшину:

— Я прощу твой проступокъ, если ты будешь просить прощенія у боцмана... Мнѣ жаль тебя... А я поговорю съ боцманомъ... Понялъ?

— Понялъ, вашескобродіе!

— Но только смотри, чтобы впредь ни гу-гу... Не болтай, а то попадешь подъ судъ и пропадешь... Не забудь этого... Какой бы ни былъ боцманъ — не твое это дѣло, а дѣло начальства... И не тебѣ о немъ разсуждать... А если считаешь себя безвинно наказаннымъ, можешь жаловаться по начальству!

Старшій офицеръ думалъ, что спасъ „отчаяннаго“ и тотъ долженъ быть благодаренъ. Въ то же время „исторія“ окончится. А боцмана онъ разнесетъ и ему пригрозитъ. Онъ перестанетъ драться и брать взятки...

Но Митюшинъ не только не обнаружилъ благодарныхъ чувствъ. Напротивъ, онъ былъ мраченъ.

— Такъ ступай и подъ арестъ не садись!..

— Слушаю, вашескобродіе... Но только...

— Что еще?

— Я не пойду просить прощенія у боцмана. Если кого подъ судъ, то слѣдуетъ его, ваше-скобродіе...

— Молчать! Я прикажу тебя выпороть, — вспылалъ старшій офицеръ.

— На то закона нѣтъ, вашескобродіе! Прикажете прежде судить, вашескобродіе! Правда окажется! — отвѣтилъ „отчаянный“ и вышелъ изъ каюты.

УШ.

Старшій офицеръ одумался, и „отчаяннаго“ розгами не наказали.

Черезъ день послѣ дознанія его отпразднили въ Петербургъ, и „отчаянный“ былъ посаженъ въ морскую тюрьму какъ подслѣдственный. Осенью его перевели въ госпиталь, и у него оказалась своротечная чахотка.

Въ палатѣ „отчаянный“ по-прежнему „безпокоился“ о законѣ, тосковалъ по правдѣ, говорилъ сосѣдямъ-больнымъ горячія рѣчи...

Матросъ все еще ждалъ суда и надѣялся, что тамъ „правда окажется“ и что боцмана уберутъ.

„Отчаянный“ такъ этого и не дождался. Передъ Рождествомъ онъ умеръ.

К. Станюковичъ.

Изданія В. И. Раппъ и В. И. Потапова.

Поступили въ продажу:

- В. И. Дмитріева.* Бакланъ. Ц. 6 к.
К. М. Станюковичъ. Отчаянный. Ц. 5 к.
Ивановичъ. Степанъ Ежикъ. Ц. 10 к.
Евг. Чириковъ. Бродячій мальчикъ. Ц. 7 к.
В. И. Дмитріева. Митюха—учитель. Ц. 25 к.
-

22 **Готовятся къ печати:**

- Мельшинъ.* Любимцы каторги.
Станюковичъ. Блестящій капитанъ, Перво-
годокъ, Побѣгъ, Оборотъ, Ги-
бель Ястреба и другіе морскіе
разказы.
Дмитріева. Червоный хуторъ, Теодоръ и
Джульетта и другіе разказы.
Лафаръ. Происхожденіе идеи добра, Проис-
хожденіе идеи справедливости
и Происхожденіе отвлечен-
ныхъ идей.
-

*Складъ изданій въ г. Харьковъ, Харинскій пер.,
д. Раппъ у В. И. Раппъ.*

Книгопродавцамъ уступка 30%.

2007067280